

(Посвящается Уткиной Ане Михайловне, участнице Великой Отечественной войны)

Свободная минута как резко такая выпадает. Тихо. Трохот какого-то еле слышен. Даже раненого перестал стонать, замолкли все, как один. Легкий ветерок принес откуда-то запах светлого леса. Впервые за несколько дней выглянуло солнце. И кажется, нет никакой войны, ответственности, стонков, крови, смерти и ощущения бессилия, когда ты ничем не можешь помочь раненому, а он смотрит так умоляюще, с такой надеждой... А ты бессилён! Нет! Не надо сейчас думать об этом. Светлая минута пока. Минута, когда есть возможность хотя бы в мыслях унестишься в беззаботное прошлое.

А прошлое - это тёплое летнее утро. Встанешь пораньше, соберёшь волосы в косу, накинешь лёгкий ситцевый сарафан и выйдешь по светелому солнечному городу на учёбу. По пути встретишь много знакомых, со всеми поприветствуешься, поговоришь и уже быстрее выйдешь по освещённому тротуарам, надеясь не опоздать в институт. А после трудового дня выйдешь в сквер Алены. Морозенко. Таубы. Цветов. Закат... В доли пробираешься на цыпочках, чтоб не разбудить мобильную маму. (Как же я по ней скучаю...!!!)

Но она не спит. Сидит на кухне с чашкой чая и ждёт. Подходишь к ней сюда, обнимаешь... А она перестивает, уже привоклила, но всё равно перестивает.

А потом разговоры по душам всю ночь —

(Мама, как же я тебя люблю!)

И вот я уже настоящий врач. Много больных
всем обязана мамочке Тяжело, но всё именно об этом
я мечтаю с самого детства. Периодически хвалят
начальство, знают, всё правильно делаю. Делаю успеха-
ми с мамочкой.

Свободная суббота М снова сквер, аллеи, морозе-
ное, голуби, и... он. Катается, искала его всю жизнь.
Красивый, стройный, подтянутый молодой человек. Под-
сел ко мне, заболтались... Закат уже встречаю
не одна. А потом мы бегим по ночной набереж-
ной и забываем обо всём... Он провозит меня
до дома, обещает, что мы непременно встретимся.
Так всё и случилось.

Так же идем в парк, на нашу скамейку, но
что-то в его голосе тревожит, он другой. Еще
успеваю за ним. Он сообщает, что началась война,
уже вступил в ряды добровольцев и уезжает се-
годня на фронт. Я остаюсь сидеть на той са-
мой лавке. Люди суетливо ходят туда и
обратно. А я сижу и думаю о маме, о нём,
о войне... Немного успокоившись иду в воен-
комат и записываюсь на фронт хирургом. А
дома...

„Анна Михайловна! — слышались за стеной го-
лос молодого бойца. — Там раненый. Руку отор-
вало. Срочно нужна операция“.

Этот и прошла моя минута.

И снова стою, кровь... И всё это надо выдержать.

потому что в моих руках тушь моих, кто одетая³
мне в отца, кого могу считать своим ровесником и да-
же тех, кто мог бы быть подружкой или другом. Я люблю
ногти катедры.

Разве можно забыть того молодого лейтенанта,
который похоронен на мне. А мне пришлось ам-
путировать ногу, ведь речь шла о туши и шер-
ти. А он кричал, что это я виновата, что он
теперь без ноги, что он не сможет больше
лечить проклятым фашистами да смерть своей
сестренки. Пусть кричит, пусть обвиняет, я знаю,
что так ему легче. А я... А я вытерплю. Я
сильная.

А сейчас все шло на бойца с оторванной
рукой. А он борется: "Сестренка, рука ведь левая,
ничего, если отрезешь, я правша, смогу и одной
лупить по немцам. Ты только так сделай, чтобы
кобыстрее датило".

Я сделаю. Я всё сделаю. Я сделаю даже то, что
кажется невозможным: не спать сутками, стоять
за операционным столом по двенадцать часов, не-
решивать головоломки и точность, которые
из-за усталости время от времени подступа-
ют в самое неподходящее время. Разве те, кто
оказывается на моем ~~месте~~ операционном столе
делают меньше? Они всё то же самое, а может,
в два раза больше, делают ног прощелает не-
мецких пулеметов, они идут первыми по лин-
нолу поля, потому что кто-то должен быть пер-
вым. А кто, если не он? А что будет, если он

используется? Муж маме, да спешкой, родные: мать, сестра, братья...

Они кидаются в атаку, даже если сил противника в два раза больше.

Разве я могу быть слабее их?

Как я буду смотреть в глаза солдату, который, потеряв один глаз, имея возможность вернуться домой, отказался. Отправился обратно в свою часть. "Ты, дочка, похлопочи, чтоб обязательно в свою. К своим."

Многих у нас там побилло. Поредели наши ряды, тяжело придётся тем, кто остался. Так ты уж постарайся. Как я их могу бросить в такой тяжёлый момент". И я постаралась, похлопотала. Разве можно ему отказать?

Что движет такими людьми? Где они берут силу? Наверное, родная земля, которая взрастила их, напитала своим соками, привила им мужество. Разве это не богатыри? Ведь они не только сами сильные, смелые, они делают таких тех, кто с ними рядом. Откуда моя сила? От них. Это они меня питают, наполняют силой, верой. Верой в то, что война закончится, что победа будет за нами, что впереди встреча с любимой мамочкой... А иначе без веры никак.

Разве смогла бы я пережить муки неизвестности о НЕМ? Долгих 3 года неизвестности! Но зато потом драгоценная весточка: "Помню, люблю, бою врага".

Жив! Жив! Жив! Целый день стучало в висках.

летала, как на крыльях. Кажалось, я всё могу. А⁵
действительно ни одной смерти в этот день.
Снова весточка: «Завтра наша диверсия отправ-
ляется на новые позиции. Будем на станции в
трёх километрах от вашего госпиталия. У нас
есть 12 минут для встречи. Жду тебя в 15:54".
Моей радости не было предела.

Горе и радость! На войне они всегда рядом. Ра-
дость, что остался живым в некоем бою, боль и горе,
что тот, кто ещё два часа назад ел с тобой из
одного котелка, больше никогда не скатается. «Фершиш,
дружнице будет и на твоей нашей улице счастье».

Рядом с моей радостью тоже по соседству
оказалось горе. Радостные минуты отидания
встречи сменялись ошущительным известием:
состав, который я так ждала, попал под бом-
бёвку, выживших нет. За что?! Почему так?!
Как вытерпеть эту боль?!

На войне на все эти вопросы ответ
один. Выживает враг. Фашисты. Те, кому не ква-
тило места под синими небом и ярким солнцем.
Те, кто сеет смерть. И каждая смерть - это не
красиво видеть солдат, это укор тем, кто раз-
везал войну. Это чёрное пятно на их совести,
если у них она есть.

Но как пережить боль тем, кто потерял
родного человека? Работа. Работа. И ещё раз
работа. Она отвлекала от страшных моль-
ей, не давала погрузиться в чёрный омут.
Напротив, мне казалось, что каждый спасённый

6
любо солдат возвращает мне частичку любимого.
И снова я чувствовала себя сильной, способной
свернуть горы. Ведь теперь я действовала за дво-
их. Своей работой я могла тем, кто лишился
меня счастья, и сердце переполнилось нена-
вистью к врагу.

Теперь в режиме минуты передыхки я не уносилась
мыслями в мирное прошлое. Я думала о настоящем:
подумать только, сколько лет прикисла эта война, сколько
ненависти к врагу в сердцах жителей моей страны. И
если мне моя боль сделала сильнее, значит и у других то же
самое. А разве такая сила не справится с ненавистным
врагом?

Нет сомнений, победа будет за нами. Надо только чув-
ство потерпеть и делать со всей ответственностью то дело,
которое ты умеешь делать. И тогда снова будет маши-
на, голуби, цветы, закат...

Будет всё! И даже он. Его голос будет слышен в шеле-
те деревьев, ласковое дуновение ветерка даст почувствовать
тепло его рук, в ворковании голубей будет звучать
его смех.

Жизнь продолжится. Ради этого бессонные ночи, омерзительная
усталость, страх, безымянные мысли, искалеченные судьбы.
И категорично из тех, кто не вернется с этой проклятой
войны, будет радоваться с нами, с теми, кто, к сча-
стью, знает о войне только по картинкам.

